



Сергей Клямкин

Вторая Смерть Йеошуа

Мистерия суда

Сергей Клямкин Вторая Смерть Йеошуа. Мистерия суда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42317893

Сергей Клямкин. «Вторая Смерть Йеошуа. Мистерия суда»:

Издательство «Перо»; Москва; 2019

ISBN 978-5-00122-960-5

Аннотация

«Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих...» Эти слова псалма отражают состояние духа действующих лиц мистерии «Вторая Смерть Йеошуа». Мужчины, пытающегося ценой своей гибели спасти от Второй Смерти свою покойную жену. И женщины, пытающейся вывести больное сознание мужчины из тех бездн, в которых оно потеряло себя. Стремясь вывести сознание мужчины из состояния невозврата, она погружает себя в мир его болезни, находя контакт через установление Писания: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым».

Сергей Клямкин

Вторая Смерть Йеошуа

Мистерия суда

*«Бездна бездну призывает голосом водопадов
Твоих...»*

*Эти слова псалма нашли отзвук в мистерии
Сергея Клямкина «Вторая Смерть Йеошуа»,
опубликованной в 2007 году. Мистерия имела
продолжение, что нашло отражение в публикуемом
тексте.*



Небольшая комната с идущим от стен розоватым подсвечением. Около двери, выгороженная узорчатыми стенками душевая. В нише стены слабо мерцает лампада у образа. Рядом на вешалке красное вечернее платье. Мужчина в черном шелковом халате, уткнувшись лицом в дверь, стучит в нее кулаком в такт песне:

В четверг в тюрьму голубка
Маляву принесла,
Как будто с того света...
Как будто в того света...

Нам послана она...
Как будто с того света...

Отходит от двери, снимает платье, на вытянутых руках несет его к кровати, бережно укладывает, становится на колени и, раскинув руки по всей длине платья, продолжает прерывисто хрипеть:

Кто подписал маляву —
Знать никому нельзя...
Знать никому нельзя...
Но все, что в ней предвещано,
Пусть знают без утайки
И воля, и тюрьма...

Открывается дверь, входит женщина в накинутом поверх ночной сорочки плаще, садится за стоящий посреди комнаты стол, на котором Библия, потрепанный чемодан, сковородка, чашка. Некоторое время она наблюдает за мужчиной, потом начинает ему тихо подпевать:

В четверг в тюрьму голубка
Маляву принесла,
Как будто с того света...

: Тото!

: Неужто ты голос жены своей забыл?

: Так это ты... так это ты, тварь сучья, в свою психушку

упрятала меня!

: Ну да... палата для персон особо важных.

: Еще спросит с тебя Тото, по полной спросит!

: За что?

: Ты не имеешь никакого права меня в психушке содержать!

: Какая психушка! Ну что ты мелешь, мелево?!

: Я мелю? Даже стены здесь поют. Терапия, твою мать!

: Сейчас поют?

: Нет, сейчас молчат.

: Пока стены не запели, разъясняю: во-первых, из клиники уволили меня, а, во-вторых, ты можешь сейчас же из этого пристанища уйти. На все четыре стороны.

: В халате?

: Одежда в другой комнате, принести?

: Почему мы здесь? Что случилось? Объясни мне, наконец, почему ты здесь? Столько лет ни слуху, ни духу!

: Ты что, совсем не помнишь, как лихо отпраздновал свой Рош Ашона?

: Ты меня изучаешь что ли, мою память проверяешь – Рош Ашонэ еще не наступил.

: Уже приговор вынес тебе Судия. Так что в Йом Кипур...: Ты можешь толком объяснить, что произошло?

: Я толком тебе и объясняю. Сообщаю. После пожара тебя здесь на время поселить пришлось. Ты пытался в Рош Ашона и дом сжечь, и себя, и тварь сучью, то есть, меня.

: Я пытался... сжечь себя... свой дом... тебя... Я все-таки сошел с ума?

: Ты не сошел с ума. Ты прекрасно знаешь диагноз, причину своей болезни... Дай-ка мне свою книгу...

: Издеваешься! Я не Воланд. Восстановить ее из пепла не могу.

: Да вон же... из Библии торчит она. Готова спорить, что ты своей книжкой заложил то место, где Иов на суд Господа Бога вызывал. Ну дай же книжку!.. Мне подождать пока ты ее перечитаешь?.. «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих». Эпиграф как эпикриз... В книге ты сам себе поставил диагноз – это состояние души, в которой бездна призывает бездну, и записал анамнез. Судя по тому, что ты творил в Рош Ашона, очередная бездна в тебе князя Логосского прознала...

: О чем ты?

: Неужто ты не помнишь, как орал, чтобы все покинули твой дом и творению светопреставленья не мешали?

: Творенью... светопреставленья?! И ты мне говоришь, что я не сошел с ума, что я не сумасшедший!

: Нет. Ты не сумасшедший. Напоминаю историю твоей болезни. Ты после кончины мамы, когда меж нами катавасия пошла, как-то признался, что слово веры с твоим сознанием будто играет. А позже, в своей книге очень откровенно рассказал о том, как сознание твое было в бездну...

Суда Слова вовлечено. Я полагаю, что вся эта игра про-

истекает от резкой перестройки твоего Супер-Эго, вызванной религиозным обращением. Отсюда и эта «Вторая Смерть Йеошуа», и погружение в мистерию светопреставления. Ты понимаешь, о чем я говорю?

: И как мой... Супер-Эго светопреставление творил?

: Это неопишимо... ты развел в большой комнате костер, напялил платье Тото, на грудь прицепил икону, к креслу привязал себя и как зверь рычал: я князь Логосский, я Йеошуа!..

: Князь Логосский... в платье... Тото! За что... за что... меня так наказали?

: Почему же наказали? Очевидно в этом и заключается таинство светопреставления, которое в Рош Ашона было совершено. Князь Логосский низвел огонь на дом свой и себя, чтобы из огня явилась в мир прекрасная княгиня. Такая вот мистерия... Согласись, приют классный я подыскала для светлейшего бомжа... Причем, бесплатно.

: И кто же доброту такую проявил?

: Крутую бабенку мы спасали в больнице от тюрьмы. Она не раз мне говорила: если что, обращайся. Вот я и обратилась. Она все сразу поняла и даже охранника на всякий случай убрала.

: Здесь, часом, не бордель? Похоже на комнату свиданий.: Ну вот, уже бордель от психушки ты можешь отличить.

До того, как на нее наехали, она мотель на час держала. Если сочтешь возможным для себя, князь, дни судные свои

здесь можешь провести. Хозяйка еще не скоро работу заведения возобновит. Ну что ты скорбь вселенскую изображаешь? Неужто жалеешь, что трон свой княгине сердца передал?

: Зачем ты приехала? Что тебе нужно от меня?

: Ин-те-ре-сно! Сам телеграмму мне послал, свидание назначил и на тебе, такой облом!

: Я никаких телеграмм тебе не посылал.

: Ну да, ну да... Это князь Логосский мне в иудейский Новый Год свидание назначил.

: Зачем ты издеваешься так жестоко надо мной?

: В чем издевательство? Вот телеграмма от тебя. Четыре слова: «Рош Ашонэ завещанье передам». Муж моей мамы, всем известно, самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил. Не выполнить волю завещателя я не могла. Кто ж знал, что ты наследницу лишь для того позвал, чтобы на ее глазах превратить наследство в пепелище. На роль... княгини видно я не подошла в твоей мистерии огня.

: Почему ты меня не остановила?.. Почему?!

: Остановить творенье светопреставленья?! Остановить восшествие на трон княгини? Ну что ты рожи корчишь?! Ничего остановить я не могла. До начала светопреставленья я спать ушла. Когда своими воплями ты разбудил меня, то было уже поздно. Я от страха чуть не окочурилась, когда на ор твой прибежала и воочию увидала, что сам князь Логос-

ский явился в дом, в бушующем огне спустившись с небеси. Ноги отнялись, за что-то зацепилась и грохнулась лицом о пол... из носа кровь, встать не могу, как дура стала кричать, чтобы вызвали врача... Кому, зачем кричала сама не сознавала... А тебе все трын-трава. В круге огня величественно в кресле восседаешь... в платье Тото и меня будто не замечаешь... А потом зазвенел будильник, и ты стал материться и орать, чтобы ... все... мертвые убрались из дома твоего и творенью светопреставленья не мешали. Вот так... в огне ты в свои дни судные вошел... В психушку я упрятала его! Надо же сказать такое! Да если бы кто увидел тебя в платье Тото, услышал, что ты в беспамятстве орал, то свой Рош Ашона ты б точно в дурдоме отмечал. Хорошо, не сопротивлялся, когда я тебя стащила с трона, из дома увела. Картина маслом: баба тащит мужика в женском платье с иконой на груди... в одной руке ладанка, в другой чемодан... Что в нем? Ты так в него вцепился, что оторвать было нельзя.

: Дом сгорел?

: Дом спасли. Только комната выгорела, где ты светопреставление творил. В других жить можно, надо только стекла вставить и дом просушить, там все залили... Признайся, князь, ты телеграмму мне послал, чтобы выставить на кон в игре со словом веры, в мистерии своей и жизнь мою?

: Я больше не могу! Я не хочу! Я все уж проиграл! Я нищий! Нищий...

: А душа? А Тото? Ведь ты не откажешься от слов своих,

что вы с женой – одна душа?

: Ты ... ты что же, предлагаешь мне душу выставить на кон?

: Хотя бы в судный день свой не лицемерь! Ты на нее давно уже играешь... с бездной: я медленно сходил с ума, все понимал, все сознавал... там шла безумная игра... на кон поставили любовь...

: Все помнишь?

: Как забыть! Я почти не помню похороны Тото, но то, как на день девятый ты перед ее могилой эту стихозу о вхождении в безумие игры читал, я не забуду уж точно никогда.

: Это не стихоза.

: Ну да... чистосердечное признание.

: И ты по доброте своей решила с кона мою душу снять, в психушку ее сдать?

: Но не сдала!

: Что так?

: Свою книгу прочитай. Или забыл, князь, какая роль в мистерии этой мне отведена?

: Так ты в игре?

: Я здесь. Бездна бездну призывает! Должен бы знать в свои года, что женщина... есть бездна. И судя по тому, что ты мне в Рош Ашона свидание назначил, эта бездна тебя влечет, не отпускает. Ну что ты сник? Я только напомнила тебе слова, которые все эти годы после смерти мамы ты говоришь Всевышнему Судье в Рош Ашона.

: Какие слова?

: Что ты с Тото – одна душа! Как я понимаю, князь Логосский не успел выжечь любовь в себе дотла, светопреставление твоя. Прости, что помешала, но, видимо, это тот самый случай, когда бездна во спасенье бездну призвала...

: Как тебе нравится душу, боль мою дрочить!

: Тебя... дрочит болезнь твоя. И кроется она в твоей вере, что ты с женой – одна душа.

: Все ясно! Ты всегда хотела наши души развести!

: И когда же ты это уяснил?

: Когда после кончины Тото ты сказала... ты сказала...

: Не напрягайся... Если желаешь, я повторю сейчас все то, что тебе тогда сказала.

: Это подлю! Подлю!

: Наконец-то прорвало. Столько лет молчал, мою подлость на душе носил, лелеял, слезами поливал... Да, признаюсь, я пыталась ваши души развести! Да, я напраслину возвела на мамочку покойную...

: Остановись! Ничего уже изменить нельзя!

: Не для тебя, для мамы говорю! Когда она ушла, ты сразу выпал из жизни, все время твердил, твердил, твердил, что Тото зовет тебя, что ты очень хочешь к ней уйти... А в день сороковой совсем сорвался, кричал в истерике, что умер ты, а Тото жива... Ну и так далее... Ты будто не понимал, что болью потери страдает и моя душа, не понимал, как трудно мне сносить истерики твои... Вот я и звезданула по твоей ду-

ше, по твоим мозгам, чтобы ты очнулся, вернулся в жизнь...

: Ты не представляешь, что ты совершила!

: Я совершила то, что совершила! Теперь самое время считать нам счесть.

: Мы их давно свели.

: О чем ты? Когда... когда мы их свели?

: В день сороковой.

: Вот оно как... Мы что же... тогда перед Тото, ее душой и за прошлое, и за будущее прощение просили?

: За будущее.

: Разве? В тот день, когда мы на кладбище пришли, ты предложил прощение дать друг другу. Мне нечего было тебе прощать. Но видя, что с тобой творится, перечить я не стала. И ты перед могилой Тото сказал, что просишь прощения у меня, и я прощение попросила у тебя. За будущее мы вроде прощение друг у друга не просили.

: Ну тогда своди со мною счесть.

: Честно говоря, слова этого... акта я подзабыла. Но от прощения, данного тебе, не отрекаюсь.

: Какие же тогда меж нами счесть?

: Скажи, предлагая прощение друг у друга попросить, ты уже знал, что должен вечером прилюдно объявить, что умер, а Тото жива?

: Не знал.

: Ясно... Я медленно сходил с ума... там шла безумная игра... Прощение попросил и понеслось... На кон поставили

любовь! Но ты ж не умер! Все это лишь игра!

: Суди о том сама.

: Сужу... Позволь, прощенный, в твой судный день мне высказать все начистоту?

: Прощенный прощенной излить душу позволяет.

: Благодарю! Скажи теперь, почему после моей подлой клеветы, что Тото хотела тебя бросить не раз, не два, не три, ты... так искал моей руки и сердца? Ты же прилюдно объявил, что умер. Объясни мне, кто в таком случае меня так добивался?.. Молчишь! Другой вопрос... Вот... в своей книге заявляешь, что ты с женой – одна душа, что ты стремишься и в Смерть Вторую за Тото уйти...

: Ну сколько можно?! Зачем сейчас об этом говорить?

: Ты ж сам вовлек меня в этот разговор. Я понимаю, что в твоей душе бездна бездну призывает. Но зачем ты в свою бездну так жаждал затащить меня? В свой судный день скажи мне честно... предлагая дочери жены... женою твоей стать, ты хотя бы думал о том, что может в тебе душа покойной испытать, когда в порывах страсти... первой брачной ночи...

: Остановись!

: ... когда в порывах страсти первой брачной ночи ты будешь дочь ее ласкать ... грудь, губы, ну и все прочее в испуге целовать... Ты об этом думал?!

: Ты же знаешь, я убить себя тогда пытался.

: Радость испытал?

: Какую радость?

: Позволь я приведу из книги признания твои?

: Зачем?

: Затем! Так... читаем: «Когда не можешь, не в силах искушению, вошедшему в сознание, противостоять, то надо его просто с радостью принять».

: С великой радостью.

: Что? Что ты там шепчешь?

: В Библии сказано, что искушенья надо с великой радостью принять.

: Я что-то не заметила в твоих признаниях любовных радости великой. Или ненависть к себе при падении в бездну и есть радость для тебя? Читаем: «Я ненавидел, ваша честь, себя, но искушенья алкало, жаждало ее. Сначала я с собой, с сознанием своим боролся, но понужден был...» Зачем, скажи, мудила, ты свою книгу в федеральный суд представил? Хотел через светский суд во Вторую Смерть войти? И ради этого...

: Я не...

: Не пе-ре-би-вай меня! Из твоих признаний перед федеральным судом очевидно... ты сознавал, что совершаешь предательство Тото, предлагая свое сердце мне. Но сделал все, чтобы добиться своего! Ты сознавал, чем может обернуться наших душ... инцест, такое их совокупленье... Убить он себя пытался! И при этом твердил перед судом, что у тебя с женой – одна душа. Кого же ты убить пытался?! Ответ оче-

виден: душу своей жены покойной ты хотел казнить! Бездна
бездну призывает, твою мать!

: Уйди! Прошу тебя, уйди!

: Не вопи. Я сейчас уйду. Только на прощанье честно мне
ответь: ты хочешь остаться в мистерии огня или готов попы-
таться с кона снять себя?

: Я больше не хочу об этом говорить!

: Потом опять будешь вопить: почему ты меня не остано-
вила?

: Ты не можешь остановить мою болезнь.

: В судный день есть, думаю, возможность в твоё сознание
противоядие ввести.

: Противоядие – это ты?

: Ответь мне, почему ты из книги два акта мистерии при
публикации изъял? Почему убрал все, что касалось мемо-
рандума от Наси?

: От кого ты об этом меморандуме узнала?

: От тебя, от кого ж еще.

: Я рассказал тебе о послании Наси?! Я не мог...

: Не мог, но рассказал.

: Когда?

: Вспоминай! Вспоминай, когда ты проболтался, секрет
еврейский мне раскрыл... Ясно. Светопреставление отшиб-
ло память. Повторяю вопрос: почему ты из книги все, что ка-
салось меморандума, изъял?... Молчишь... Так я сама отве-
чу: меморандум Наси может мир взорвать. Подтверждаешь?

: Да. Меморандум Наси может мир взорвать.

: И ты решил, что миру правду иудейского авторитета не нужно знать. Ты избрал своей профессией служенье слову правды, но испугался той бездны, которую тебе открыло слово веры в своей правде. Ты испугался того, что написал, того, что Наси миру рассказал. Ты пытался убежать от слова, но оно тебя настигло и под самосожженье подвело!

: Ты как-то странно говоришь...

: Что странного? Нельзя порывы слова веры в своем сознании цензурой страха убивать. Раз уж так произошло, что по безднам веры тебя слово повело, то не пытайся убежать, скрыться от него. А ты решил, что должен спрятать слово. Еще одно предательство. Ты предал слово, ты предал сам себя! И за это предательство ты был наказан. Пойми ты, наконец, что пытаешься одно искушение другим в своем сознании перебить, ты против себя играешь и все сильнее свою болезнь усугубляешь. Ты думаешь я не понимаю, зачем ты так истово просил меня стать крестной матерью твоей...

: Ты хочешь вывести из больного прошлого мое сознание и при этом все глубже погружаешь меня в боль воспоминаний. Но я больше не в силах в этих воспоминаниях жить.

: Очередное искушение: от больных воспоминаний пытаться свое сознание освободить. Но ты же по своей жизни знаешь, как воспоминания не гони, они все равно тебя настигнут и будут все сильнее бить, сознание терзая беспощадно. Пойми, воспоминания – противоядие от болезни, кото-

рая преследует тебя. Болезни крайне запущенной. Поэтому в твой судный день очень сильную дозу этого противоядия я в тебя введу. Но перед инъекцией на всякий случай я тебе напоминаю: что бы ни случилось, не проси Христа взять твои грехи, душу от страданий облегчить. Надеюсь, при вхождении в веру, когда на крестный путь вступил, ты Христа молитву себе на душу положил?

: Да-да... Христа молитва... Остави мне мои долги...

: Вот я и говорю: как бы ни были тяжести твои грехи, от них не беги! С ними живи. И их люби!

: Любить свою подлость? Предательство свое? О чем ты говоришь?!

: О том и говорю, что именно твои грехи – спасенье для тебя. Они дадут тебе возможность... в Смерти Второй начать существование не с белого листа... блаженства идиота. Они лекарство от игры с твоим сознанием.

: Я помню все свои долги. Но лекарство это мне не помогает.

: Не помогает потому, что ты все время хочешь искушенья обыграть. Пытаясь обыграть одно, другое во спасенье призываешь. Я знаю, что предлагая мне стать крестной матерью твоей, ты стремился таким вот образом пресечь влечение ко мне, убить предательскую страсть. Потом другое искушение призвал...

: Глубоко копаешь!

: Комай тут не комай... Болезнь твоя слишком далеко за-

шла. В безднах страстей, которые тебя искушают, как в очередной раз убедилась я в этот твой Рош Ашона, нет дна. Слава Богу, я крестной матерью твоей не стала! Ты можешь мне сказать, что произошло? Почему ты, ничего не говоря, отверг меня и ... крестил себя в речке грязной под горой? Может скажешь, кто у тебя мать крестная и кто крестный отец?

: Откуда ты об этом знаешь? Я не рассказывал о происшедшем никому.

: Я знаю, что ты крестил себя, чтобы не потерять жену, чтобы ваши души верою... на веки вечные соединить. Поэтому я утверждаю: только через душу Тото, через ее веру, вашу любовь и смог войти в тебя Йеошуа.

: Опять игра!.. Опять игра!

: Ну в чем игра? Я привела прямые свидетельства твои.

: Что ты несешь?! Какие свидетельства?!

: Ты много писем послал своей жене, в которых подробно рассказал, что после ее ухода стал остро чувствовать в себе Йеошуа. Ты даже сообщил Тото, как он в тебе на день сороковой...

: Как ты посмела мои письма прочитать?! Как ты посмела?! Это бессовестно!

: Моя совесть мне этого не шепчет. Все! Хватит! Давно пора тебе понять, что только духовный человек может судить обо всем, а о нем судить никто не может. Не может! Уяснил?

: Уяснил. Ты можешь обо всем и всех судить. И как ты в это состояние вошла?

: Ну вот, наконец-то я тебя развеселила.

: Я вроде не смеюсь.

: Вижу по глазам, что тебя смех просто распирает. В твоих глазах я и духовность – есть вещи несовместные.

: Ну почему же... Я очень рад, поверь мне, за тебя. Я лишь спросил, каким образом ты из состояния душевности в духовность перешла? Психиатрия помогла? Или муж... эликсиром духовности деву опоил и вытравил природную душевность?

: Да ты никак ревнуешь?.. Могу тебя порадовать. Именно душевность неизбывная твоих страстей просто вышибла из душевности меня. Как женщина теперь духовная весьма я тебе прямо говорю: именно твоя плаксивая душевность против тебя играет, влачит из бездны в бездну...

: Что же ты замолчала? Раз начала, давай, разоблачай уж до конца душевность порочную мою.

: Уверен, что хочешь этого?

: Моя душевность падшая жаждет твоей духовности отдаться и воспоминаньями о порочном прошлом наслаждаться.

: Давно тебе сказать хотела. Я заметила, что ты порой уж очень вычурно стал изъясняться после того, как в мистерию свою вошел.

: Не уклоняйся. Ты собиралась мою душевность суду духовности своей предать.

: Сам нарываешься... Ну что же, я тебя предупреди-

ла... Так вот... благие намерения душевности твоей великой очень помогли отправить в Смерть Вторую твою жену. Сядь на место! И не тряси губой! Ты же сам хотел разоблачить свою порочную душевность! Или передумал?

: ... Вещай, духовность.

: Если бы ты не крестился, то Смерть Вторая не могла забрать к себе Тото. Ты в мире Торы до совершения крещения пребывал. Но у тебя с Тото, как ты суд федеральный уверял, одна душа. Следовательно, Смерти Второй необходимо было границу мира Торы пересечь, чтобы ваши души разделить и забрать к себе твою жену. Но это невозможно. Ты правильно в своей книге написал, что мир Торы вне юрисдикции, вне зоны действия Смерти Второй. Думаешь, я не знаю, что потому ты и предлагал мне выйти замуж за тебя. Хотел таким вот... еврейским образом Смерть Вторую кинуть, вывести меня из под ее страшного суда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.